

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

А. А. Германович

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КОНФУЦИАНСТВА

УДК 37(0510)(091)+37(510):001.4

ББК 74.03(5Кит)-2+74в

Древнекитайская педагогическая традиция оказала огромное влияние на развитие педагогической мысли в Китае и мире. Однако в связи с многозначностью китайских иероглифов, особенностями иероглифического письма и наличием различных интерпретаций конфуцианских понятий в китайской педагогической традиции существует множество «темных» мест.

Ключевые слова: конфуцианство; педагогика Конфуция; Лунь юй; воспитание; терминология; педагогические термины; обучение; учение; философско-педагогическая теория; педагогическая интерпретация.

A. A. Germanovich

THE INTERPRETATION OF PEDAGOGICAL TERMS OF CONFUCIANISM

Ancient Chinese pedagogical tradition has a great impact on Chinese and worldwide pedagogical thought. However, Chinese script ambiguity and particularities together with different interpretations of Confucius terms imply great obscurity of Chinese pedagogy.

Key words: confucianism; Confucian pedagogy; Lun Yui; upbringing; terminology; pedagogical terms; education; training; learning; philosophic pedagogical theory; pedagogical interpretation.

Актуальность темы исследования обусловлена неизменным интересом влияния конфуцианских ценностей на стремительное развитие стран Восточноазиатского региона. В особенности вызывает интерес современная образовательная политика КНР, в которой в последние годы наблюдается восстановление господствующей позиции конфуцианского учения, но уже в его обновленном виде. Стремительный рост конкурентоспособности китайского образования на мировой арене на рубеже XX—XXI вв. неразрывно связан с новейшей педагогической концепцией КНР «социалистической системой образования с китайской спецификой». При этом «китайская специфика» являет собой взаимосвязанные элементы китайской традиционной духовной культуры, воплощенные в педагогической теории и практике. Соответственно, любая попытка разобраться в современных институциональных и теоретических аспектах китайской педагогики неизменно влечет необходимость обращения к духовно-философскому содержанию конфуцианских первоисточников.

Китайская педагогическая традиция представляет особый интерес для мировых и российских исследователей. При этом ее изучением занимаются как китаеведы в узкодисциплинарных исследованиях, так и историки философии и мировой педагогической мысли. Стоит отметить, что конфуцианство, в частности, широко разрабатывалось в различных разделах отечественной и мировой науки. В этой связи существует необходимость ло-

гического разделения историографии проблемы на несколько блоков.

Впервую очередь — самый широкий блок работ по конфуцианству — исследования общего характера, в которых исследуется китайская конфуцианская мысль в целом. Изучением идей конфуцианства занимались выдающиеся ученые-синологи, стоящие у истоков российского китаеведения, академики В. П. Васильев и В. М. Алексеев. Подобные капитальные исследования конфуцианства можно проследить в трудах столпов российского китаеведения: Н. Я. Бичурин, В. В. и Л. С. Васильевых, Н. С. Кондрада, Л. С. Переломова, В. В. Малявина, А. Н. Ждуринского, А. А. Маслова, А. И. Кобзева, А. М. Карапетянца, А. В. Ломанова, М. Л. Титаренко, П. С. Попова, Н. А. Абрамовой, В. В. Зайцева, А. Е. Лукьянова, А. С. Мартынова, Ю. Б. Козловского, Е. А. Торчинова. В их работах рассматриваются различные аспекты учения Конфуция и его последователей с точки зрения его духовного, философского и морально-этического составляющих и его роль в китайском обществе. В частности, в работах В. В. Малявина дано подробное изложение этических, идеологических и онтологических концепций важнейших представителей конфуцианских школ древнего Китая. Существенный вклад в историю российского изучения канонов конфуцианства внес В. М. Алексеев, в частности, он первый предложил также переводить комментарий к «Лунь юй» классика неоконфуцианства Чжу Си (1130—1200), чей перевод признан

эталонным для всего восточного конфуциеведения.

Стоит отметить, что исследования учения Конфуция выдающихся востоковедов зачастую представляют собой комплексные научные работы по переводу первоисточников с последующим изучением китайской словесности, истории, культуры и конфуцианской философии. В России первый перевод «Лунь юя» был выполнен основоположником научного китаеведения Н. Я. Бичуриным (1777–1853) в составе переведенного им же «Четверокнижия», однако этот перевод до сих пор не издан. Позже В. П. Васильев, П. С. Попов представили свое видение перевода «Лунь юя». Переводы столпов российского востоковедения Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, В. М. Алексева, И. И. Семеновы во многом опирались на классический перевод и комментарий к «Лунь юю», предоставленный Чжу Си.

К настоящему моменту имеется целый ряд различных переводов конфуцианских источников на русский язык, выполненных В. М. Алексеевым, В. А. Кривцовым, Л. И. Головачевой, И. И. Семеновым, А. С. Мартыновым, Л. С. Переломовым и А. Е. Лукьяновым. Особое внимание заслуживает работа Л. С. Переломова, в которой представлен критический анализ достоверности трактовок наиболее темных мест основного конфуцианского канона во всех предшествовавших переводах

на русском, китайском, английском, немецком, французском, японском и корейском языках. В 2004 г. под редакцией Переломова коллективом авторов было впервые переведено на русский язык все «Четверокнижие» конфуцианства.¹ Переводы и комментарии «Лунь юя», выполненные Л. С. Переломовым, А. Е. Лукьяновым, А. С. Мартыновым стоит отметить отдельно в связи с тем, что данные ученые опирались на последние исследования китайских, японских, английских ученых, а не только на традиционные комментарии памятника, что отразилось в новой трактовке некоторых понятий и категорий канона.

Также важно отметить работу А. М. Карапетянца «Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий», опубликованную в сборнике «Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики» под редакцией П. П. Делюсина. В его статье рассматриваются философские основания традиционной китайской идеологии, ее понятийно-терминологический аппарат, взаимодействие конфуцианства с другими философско-идеологическими течениями, проблема трактовки природы человека и др. Например, А. М. Карапетянц ставил под сомнение принятые до него трактовки основополагающих категорий конфуцианства «жэнь» и знания «чжи». По его мнению, понятие «гуманность» употреблено в «Лунь юе», по крайней мере, в трех смыслах; как способ-

¹ Ван Цзяньли, Русские переводы первого суждения «Лунь юя» Конфуция: постоянно упражняться или время от времени повторять? // Вестник УдмГУ. 2014. № 4–5. С. 148.

ность оценивать и счесть важнейшим что-либо, как призвание руководить людьми, присущее правителю, и как некое состояние отрешенности и ставящее обладающего им человека над другими. Термин «чжи» (знание), согласно А. М. Карапетьянци, — это, во-первых, конкретное, частное знание, имеющее ограниченный характер. В другом случае — это усвоение закономерности, а не подглядывание, и, наконец, это неотъемлемое качество благородного мужа¹.

Немало исследований посвящено отдельно взятым теоретикам конфуцианства: Конфуцию, Сюнь-цзы, Ван Янмина, Дун Чжуншу, Лао Цзы и др. В. Ф. Феоктистов занимался философскими и общественно-политическими взглядами Сюнь-цзы. В статьях В. В. Зайцева, А. Б. Краснова, А. С. Мартынова изучается философское наследие представителя неоконфуцианской школы Чжу Си. Академик Н. И. Кондрад рассматривает и анализирует взгляды неоконфуцианские взгляды эпохи Сун.

Среди исследований общего характера конфуцианский корпус источников на восточных языках является самым обширным. За прошедшие столетия со времени создания текст «Лунь юя» был неоднократно переведен и разъяснен, в результате чего в Китае и странах конфуцианского культурного региона сложились различные школы и направления понимания канона. Одни из первых переводов со

своей интерпретацией «темных мест» «Бесед и суждений» Конфуция были представлены классиками неоконфуцианства братьями Чэн Чэн Хао (1032–1084) и Чэн И (1033–1107) и позднее — Чжу Си (1130–1200), чей перевод и комментарии были признаны эталонными и легли в основу конфуциеведения на протяжении последующих веков. После Чжу Си в Китае, Японии и Корее появились сотни и тысячи комментариев и переводов «Лунь юя». Среди них особо выделяются работа текстолога эпохи Цин — Цуй Дунби (1740–1816), который подробно анализировал почти каждое слово трактата и сопоставлял их со всеми случаями употребления и в комментаторской литературе.

Среди современных китайских исследований источника имеет смысл отметить следующих авторов: Ян Боцзюнь, Чэнь Шуда, Мао Цзышуй, Нань Хуайцзинь, Се Биньбин, Чэн Жудун, Тан Маньсян, Тао Чжу, Цзинь Цзинфан, Люй Шаован, Люй Вэньюй, Цянь Му, Чжао Цзибинь, Ян Шуда, Яо Шичуань, Фэн Юлань, Ху Ши, Сюн Шили, Моу Цзуйсин, Ду Вэймин и др. Данные авторы не только переводят «Лунь юя» на современный китайский язык, но и подробно комментируют источник².

Что касается западных исследований конфуцианского наследия, то они во многом опираются на английский перевод Дж. Легга

¹ Карапетьянци, А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982. С. 23, 24.

² Переломов Л. С. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). Институт Дальнего Востока. М., 2004. С. 154.

(1815–1897), который стал классическим. Среди немецких, французских, корейских и японских исследований выделяются следующие: Р. Вильгельм (R. Wilhelm); Р. Моритц (R. Moritz); Анна Чэнг (Anne Cheng); Пак Ильбон; Каная Осаму; Г. Пауль (G. Paul), Х. Ретц (H. Roetz). С. Ш. Айзенштадт (S. N. Eisenstadt) и др.¹

Второй широкий блок исследований, посвященных изучению конфуцианства, которые интересны в рамках данной историографии — это работы о роли и месте конфуцианских традиций в педагогике древнего и современного Китая. Иными словами, это историко-педагогические исследования наследия прошлого в исторической ретроспективе и его проявления и воплощение в современных реалиях.

Проблема модернизации современной образовательной системы КНР привлекает внимание многих исследователей. Среди них выделяются работы Н. Е. Боровской, В. П. Борисенкова, Е. С. Кананыкина, М. В. Рыжакова, Ей Юйхуа, Цуй Хунхай, Чжан Лили, Чжу Сяомань, J. Hawkins. В трудах Н. Е. Боровской и В. П. Борисенкова особое внимание сосредоточено на системе образования КНР, приводится анализ ее структурных изменений за последние годы, и приводятся прогнозы их дальнейшего развития. Большая часть исследований Н. Е. Боровской, в том числе и на китайском и английском

языках, проводятся в области сравнительной педагогики. Совместно опубликованная книга Н. Е. Боровской и В. П. Борисенкова «Россия — Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ» представляет собой первый в мире опыт бинарного сравнительного анализа образовательных реформ двух крупных мировых держав в переходный период, с учетом их национальной специфики и глобальных вызовов.

В настоящий момент уже опубликован ряд статей по общей педагогике, в которых авторы обращаются к наследию Конфуция и его последователям. Статья А. Н. Базаровой «Конфуцианские ценности и нравственное воспитание в системе образования Китая» рассматривает педагогические идеи Конфуция в древности и их воплощение в современной КНР. При этом автором говорится о тождестве философской и педагогической мысли на ранних этапах развития китайского общества. В итоге, в конфуцианстве нашли отражения важнейшие педагогические идеи и принципы педагогической этики. В современных реалиях власти КНР в своих реформах базового образования и программ все чаще обращаются к конфуцианскому наследию с целью повышения качественных характеристик в сфере нравственного образования².

О месте и роли конфуцианских традиций в педагогике древнего Китая писали Г. Б. Корнетов, А. Н. Джу-

¹ Там же. С.155.

² Базарова А. Н. Конфуцианские ценности и нравственное воспитание в системе образования Китая // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. Вып. 8. С. 17–19.

ринский, Н. Е. Боровская, Т. О. Ткачева, А. В. Аллаберт, М. С. Васильева, В. З. Клепиков, В. И. Иващенко, Г. А. Капранов. В своих исследованиях они рассматривают основы китайской системы образования и конфуцианские методы воспитания. Особый интерес представляют работы докторов педагогических наук профессора Г. Б. Корнетова и профессора А. Н. Джуриного ввиду того, что они представляют взгляды на идеи Конфуцианства с позиций педагогической теории, используя соответствующий методологический аппарат. Историко-педагогические исследования Г. Б. Корнетова по данной тематике вошли в монографию «История педагогики за рубежом с древнейших времен до начала XXI века» в качестве отдельной главы о педагогических традициях народов Востока и в структуру учебного пособия «История педагогики». Учение Конфуция также освещалось автором в ряде отдельных статей (например, в отдельно посвященной Конфуцию статье «У истоков педагогической теории в Древнем Китае: вопросы воспитания в учении Конфуция»). Г. Б. Корнетов освещает гуманистическую направленность педагогических идей о семейном воспитании, обоснованных в философском учении Конфуция.

Особо хотелось бы выделить работы «Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае»; «Педагогическая мысль в контексте Китайской культуры» и вводную статью «Педагогическая мысль и образование» в энциклопедии «Духовная культура Китая» Н. Е. Боровской.

Вышеперечисленные работы содержат анализ педагогических теорий и изучают их воплощение в жизни на протяжении всей истории Китая. В них автор знакомит читателей с представлениями ведущих философских школ о воспитании и природе человека, идеале личности и целях обучения, социальных функциях образования, специфике педагогического процесса и образовательных институтах традиционного Китая.

В рамках данного исследования были изучены следующие диссертации по педагогике конфуцианства: Ло Юн «Развитие педагогической мысли о воспитании детей в Китае», Ци Минянь «Становление ценностной парадигмы образования в социокультурном пространстве современного Китая», Цао Ян «Этнопедагогические традиции и их использование в образовательной практике Китая», Чжан Чэнь «Развитие гуманистических традиций семейного воспитания в России и Китае».

Большое количество современных публикаций в научных журналах «Китайская культура», «Педагогика» и др. посвящено изучению парадигм китайского образования, роли традиционной культуры, нравственного воспитания в становлении всесторонне развитого человека. Так, Т. А. Шаренкова в работе «Современное образование в КНР (философско-антропологический аспект)» рассматривает роль конфуцианских ценностей и их интерпретацию в контексте современной образовательной среды.

Изучив результаты новейших китайских педагогических исследований,

становится очевидным, что они в своей массе посвящены разработке новейших концепций образования с учетом его философско-культурологического аспекта. Так, китайские ученые Чжэ Хунчи, Чжан Байшэн, Ли Юнван, Гу Минюань, Сунь Липин, Чи Син, И Баоюань, Пин Цзедзюнь, Гэ Хунбин, Хао Кэмин, Тань Сунхуа занимаются выработкой новых концептуальных и методологических подходов к анализу современного образовательного процесса.

Среди подобных работ особо выделяется монография Сунь Мянътао «Концепция системы китайского образования», в которой автор анализирует текущую образовательную политику в КНР с учетом ее философско-педагогической составляющей. Су Мянътао разрабатывает теоретическую базу современного китайского образования и обосновывает новую модель образования и ее реформирования¹.

Труды современных педагогов Дин Шисюня, Гу Минъюаня, Ху Чжунпина и др. посвящены вопросам становления образовательной парадигмы индивидуально ориентированной гуманистической педагогики. Они связаны с реформированием китайского образования, начиная с целелогаииа и заканчивая идеями формирования единого образовательного пространства².

Вопросами развития педагогических терминов и педагогической мысли в Китае занимались следующие авто-

ры: Di Xu, McEwan Hunter Chinese Philosophy on Teaching and Learning» («Китайская философия преподавания и обучения»); Zhu Yongxin «History of Chinese Ancient Educational Thought» («История древней педагогической мысли в Китае»), «The History of Chinese Contemporary Educational Thought» («История современной педагогической мысли в Китае»); Go Qijia «Чжунго цзяюуэй сысянши» («История педагогической мысли в Китае») и др. Именитый китайский ученый (в прошлом министр образования КНР) Zhu Yongxin опубликовал целую серию по истории китайской педагогической теории с древнейших времен до наших дней.

Анализ отечественной и зарубежной историографии позволяет сделать некоторые выводы:

— Во-первых, из приведенного выше историографического обзора видно, что наибольшее число исследований относится к классическому китаеведению и находится в плоскости исторического, философского или филологического анализа «Лунь юя».

— Во-вторых, педагогический срез историографии также обширен. Темы исследований различны: начиная от исследований, которые имеют общий описательный характер педагогической деятельности Конфуция, заканчивая изучением современных государственных образовательных стратегий КНР и воплощением традиционных и обновленных конфуцианских ценностей в них.

¹ Цуй Хунхай, Культурная трансформация системы китайского образования в условиях глобализации. Чита, 2006. С.1.

² Там же. С.2.

Однако до настоящего времени в отечественной историографии отсутствуют фундаментальные работы, содержащие комплексный анализ, сравнение и эволюцию конфуцианской педагогической мысли, в особенности ее терминологического среза.

Древнекитайская педагогическая традиция и образовательная система, несомненно, оказали огромное влияние на развитие педагогической мысли в Китае и мире. Популярность философии Конфуция и других конфуцианских источников в России весьма велика. В настоящий момент существует множество переводов конфуцианских трактатов с последовательными комментариями. Однако в связи с особенностями китайского иероглифического письма, многозначностью иероглифов (в Шанхайском словаре может быть до 20 значений одного иероглифа, порой даже противоположных друг другу), изменениями в китайском языке на протяжении всей истории Китая и КНР, тексты классической китайской философии имеют множество темных и весьма спорных мест. Парадоксальным является тот факт, что, несмотря на большое число переводов «Лунь юй» и большой значимости этого источника для педагогической мысли в Китае и мире, в русском китаеведении пока нет комплексного сопоставительного исследования педагогических терминов конфуцианства. Более того, сложность заключается в том, что существуют различные переводы и интерпретации даже некоторых базовых концептов конфуцианства, не говоря о разрозненном употреблении

терминов в последующих комментариях авторов. Существенной проблемой в изучении русских переводов Конфуция также является отсутствие интереса у авторов к содержательной составляющей русских терминов, относящихся к педагогике. Например, авторы нередко используют понятия: «педагогика», «обучение», «учение», «воспитание» в качестве абсолютных синонимов, что может затруднять понимание педагогической составляющей первоисточника. Или же разные иероглифы «教» (цзяо) и «誨» (хуэй) переводятся авторами абсолютно одинаково: иногда «обучать» и «учить», в других же главах как «наставлять». В связи со сказанным выше видится необходимой попытка разобраться в понятийном аппарате конфуцианских первоисточников и их этимологии.

Н. Е. Боровская, пытаясь разобраться в базовых понятиях древнекитайской философско-педагогической мысли, выделяет следующие термины: «воспитание» (育 «юй»), «обучение» (教 «цзяо»), «учение» (学 «сюэ»). К ним следует добавить «обучение» (誨 «хуэй»). Термин «воспитание» или «юй» (育), согласно Боровской, изначально означал телесное питание, вскармливание и позже стал использоваться в значении духовного питания. В современном языке, он, в сочетании с термином «обучение» (цзяо), составляет слово «образование» (教育 «цзяоюй»). Иероглиф «обучение» (教 цзяо) состоит из 2-х важных составных частей: «почтительность» «сяо» (孝) и «битье». При этом важно отметить, что «почтительность» (сяо) — очень важное понятие кон-

фуцианства¹. «Сяо» — это сыновья почтительность, которую следует проявлять не только по отношению к родителям, а также к правителю, учителю. Принцип «сяо» призван сыграть важнейшую роль в установлении норм поведения людей в обществе. Исполнение при жизни желаний отца и неукоснительное следование сыном его пути после смерти устанавливает преемственность знаний, традиций, ритуала между поколениями. В этом и заключается функция «сяо». Соответственно, важной частью «обучения» «цзяо» (教) было обучение принципам сыновней почтительности, пронизывающими все сферы жизни, идеала конфуцианства «благородного мужа» «цзюньцзы» («君子»)². Далее в работе автор дает определение термину «цзяо» (教), который встречается в учении Конфуция: «Обучение (教 цзяо) — это совершенствование в Дао, что означает следование своей природе, предопределенной Небом.» Интересно, что Н. Е. Боревская использует термины «воспитание» и «обучение» вместе и пишет, что у Конфуция «воспитание — обучение» заключалось в овладении связанными с этими отношениями (отношения отца и сына, мужа и жены, старших и младших братьев) основными понятиями: гуманность — человеколюбие (жэнь), справедливость — долг (и),

благопристойность (ли), верность (чжун), проявлявшимися в преданности государю, сыновней почтительности и братской любви».

Обращаясь к смыслу термина «цзяо» (教), следует также учесть особенности древнекитайского языка, в котором один и тот же иероглиф может представлять собой различные части речи в зависимости от месторасположения в предложении. В частности, иероглиф «цзяо» (教) может переводиться на русский язык не только существительным «обучение» но и глаголом «обучать», «учить», «научать» или «наставлять». Например, в главе 2.20 «Бесед и суждений» Конфуция:

Возвышай искусных и обучай немелких — и тогда [он] будет старательным (Перевод А. Е. Лукьянова). (Если будешь) возвышать добро, (т. е. употреблять к должностям хороших людей) и научать немощных (не могущих делать добро), то (через это) подстрекнешь (и народ делать добро)» (Перевод В. П. Васильева)³.

Возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру» (Перевод П. С. Попова)⁴.

Если вы будете выдвигать добродетельных людей и наставлять тех, кто не может быть добродетельным, то народ будет старательным» (Перевод В. А. Кривцова)⁵.

¹ Боревская Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве. М., 2010. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ Васильев В. П. Конфуций. Беседы и суждения [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lunyu.ru/2/20>

⁴ Попов П. С. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁵ Кривцов В. А. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

Возвысь способных, наставь неумелых, и он воодушевится (Перевод И. И. Семененко)¹.

Выдвигайте умелых и обучайте неумелых, и тогда народ станет старательным (Перевод Л. С. Переломова)².

Подводя итоги, следует отметить, что это понятие скорее относится к носителю знания — учителю, а не к объекту процесса обучения. В англоязычной литературе чаще всего понятие «цзяо» (教) в Лунь юй переводится словами «teaching» и «teach», что более точно передает связь процесса с носителем знания «teacher» (учитель).

Что же входило в «обучение» — «цзяо», согласно Конфуцию? Исторические источники и комментарии значительно дополняют сам текст Лунь юй, поэтому до нас дошли подробности, как и чему Конфуций обучал своих учеников. Обязательной программой изучения были «шесть искусств»: ритуал, музыка, стрельба из лука, каллиграфия, управление колесницей, счет (математика). Далее Конфуций разъяснял и преподавал своим подопечным так называемые «5 канонов»: «Книга песен», «Книга перемен», «Книга ритуалов», «Книга преданий», «Весна-Осени», которые они должны были знать наизусть. Необходимо подчеркнуть различие между практическим знанием «шести искусств» и книжным знанием «5 канонов». Сам Конфуций отдавал приоритет обучению классическому «книжному» знанию, целью которого считал «постижение Дао» и формиро-

вание качеств «благородного мужа» («цзюньцзы»). Многократная практика «шести искусств» играла второстепенную роль и выступала в качестве инструмента для формирования необходимых качеств. Например, стрельба из лука требовалась для укрепления терпения и постановки твердой руки, тем самым формируя характер. Педагогическая программа Конфуция не исчерпывается разучиванием «пяти Канонов» и практики «шести искусств». В главе 7.25 написано, что «Учитель учил четырем вещам: культуре, поведению, преданности и доверию». (Перевод А. Е. Лукьянова). Конфуций выходит за рамки «книжного» или «практического» обучения, придавая своему учению воспитательный оттенок. Возможно, именно это и имела в виду Н. Е. Боревская, объединив вместе понятия «воспитание» и «обучение» в определении термина.

В современном языке иероглиф «цзяо» (教), когда встречается самостоятельно в текстах, чаще всего переводится глаголом учить, обучать (кого-л., чему-л.); преподавать (кому-л., что-л.). Иногда он выступает в качестве существительного, и тогда он означает религию, верование, учение («佛教» — буддизм, «白蓮教» — учение Белого Лотоса, христианство). В качестве существительного иероглиф «цзяо» (教) может также означать правило поведения, этическую норму в конфуцианстве («七教» — семь правил взаимоотношений в конфуцианстве между: отцом и сыном, старшим и младшим братом,

¹ Семененко И. И. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

² Переломов Л. С. Конфуцианское «четверокнижие» «Сы шу». М., 2004. С. 163.

мужем и женой, государем и подданным, старшим и младшим, с друзьями, с гостями)¹.

Принимая во внимание этимологию происхождения слова, а также смысловую составляющую иероглифа, концепт «цзяо» (教) в конфуцианстве это: 1) обучение книжному знанию и практическим навыкам «шести искусств»; 2) воспитание добродетелей в учениках 3) правило поведения или этическая норма. 4) вероучение, учение (более позднее значение).

Далее в «Беседах и суждениях» Конфуция встречается понятие «хуэй» (誨), которое, подобно «цзяо» (教), русские авторы переводят как «научить», «учить». Но насколько они схожи в своих первоначальных смыслах? Например, в главе 2.17 «хуэй» (誨) практически идентичен понятию «цзяо» (教):

Кун-цзы сказал (своему ученику Цзы-лу по фамилии Чжун, по кличке Ю): «Научить ли тебя знанию (т. е. сказать ли тебе, в чем состоит знание)?» (Перевод В. П. Васильева)².

Философ сказал: «Ю (Цзы-лу), научить ли тебя знанию?» (Перевод П. С. Попова)³.

Учитель сказал: — Ю, я научу

тебя [правильному отношению] к знанию (Перевод В. А. Кривцова)⁴.

Учитель сказал: — Ю! Научить ли тебя, что такое знание? (Перевод И. И. Семеновки)⁵.

Учитель сказал: — Ю, научить ли тебя тому, что такое знание? (Перевод А. Е. Лукьянова)⁶.

Однако в других случаях этот иероглиф уже переводится, как «наставлять» или «просвещать» (гораздо реже встречается, чем наставлять), что в большей степени соответствует современному значению иероглифа 誨 (хуэй) — поучать, наставлять, назидать, инструктировать (Глава 7.2):

«Наставлять других без лености — что (которое) есть во мне?!» (Перевод В. П. Васильева)⁷.

«Просвещать людей, не зная усталости — какое из этих 3-х качеств есть во мне?» (Перевод П. С. Попова)⁸.

«Просвещать без усталости — что из этого я осуществляю?» (Перевод В. А. Кривцова)⁹.

«Наставлять других без усталости — что есть во мне из этого?» (Перевод И. И. Семеновки)¹⁰.

«Наставлять других без усталости — что от этого есть во мне?» Перевод А. Е. Лукьянова)¹¹

¹ Цзяоюй да цыдянь (Большой толковый словарь педагогических терминов) / под ред. Гу Минъюань. Шанхай, 1998. С. 846.

² Васильев В. П. Конфуций. Беседы и суждения [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lunyu.ru/2/17>

³ Попов П. С. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁴ Кривцов В. А. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁵ Семеновки И. И. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁶ Лукьянов А. Е. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁷ Васильев В. П. Конфуций. Беседы и суждения Там же.

⁸ Попов П. С. Конфуций. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁹ Кривцов В. А. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

¹⁰ Семеновки И. И. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

¹¹ Лукьянов А. Е. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

Интересно отметить, что ключ иероглифа (составная часть, отвечающая за смысловую часть иероглифа) «хуэй» (誨) — это речь, а также в первом словаре иероглифов «Происхождение китайских иероглифов» (Шовэнь цзецзы) дается следующее определение: «хуэй (誨) — означает говорить (произносить вслух) учение цзяо». То есть, безусловно, существует взаимосвязь между «хуэй» (誨) и «цзяо» (教), и она лежит в плоскости действия учителя (носителя знаний), направленного на передачу этого знания своим ученикам, и оба понятия в принципе могут переводиться на русский язык без потери общего смысла, как «обучать» (обучение) или «наставлять» (наставление). Данная взаимосвязь ярко проявляется в современном языке в рамках объединения этих двух иероглифов вместе в новое слово (сейчас большинство слов обозначаются двумя иероглифами) «цзяохуэй» (教誨). «Цзяохуэй» (教誨) означает поучать, наставлять (поучение, наставление)¹. Принципиальное же отличие двух понятий связано с подчеркнутой вербализацией процесса обучения в понятии «хуэй» (誨). Более того, их смысловая разница ярко отражается в англоязычных переводах Лунь юй, в которых иероглиф «хуэй» (誨) чаще всего переводится словом instruct (инструктировать, давать наставления), подчеркивающим процесс произнесения вслух наставления или учения.

Следующее философского-педагогическое понятие конфуцианства — это понятие «сюэ» (学). Оно ключевое для Конфуцианства. Этот иероглиф чаще всего встречается в классических трактатах, в частности, в Лунь юй С него начинается первая глава «Бесед и суждений» Конфуция, и он входит в название трактата «Великое учение» «да сюэ». Иероглиф «сюэ» (学), как пишет Н. Е. Боровская, означает учение и постижение философского учения (обозначающегося тем же иероглифом). При этом в состав иероглифа «сюэ» входит знак ребенок (子 цзы), который в составе иероглифа учение означает обладание или следование «детскому сердцу», присущему великим мудрецам¹.

По мнению американского специалиста по переводам Конфуция Сю Ди, термин «сюэ» (学) переносит акцент обучения на ученика и должен переводиться, как «learning» (изучение, обучение учеником) и даже как «self-learning» (самообучение). А преобладание его над другими педагогическими терминами в каноне означает стремление Конфуция подчеркнуть главенствующую роль желания ученика обучиться и его вовлечение в образовательный и воспитательный процесс. В качестве примера можно привести слова самого Конфуция (Глава 14.24), который говорил:

«Учитель сказал: — В древности учились, чтобы [совершенствовать] себя; ныне же учатся, чтобы [хвас-

¹ Цзяоюй да цыдянь (Большой толковый словарь педагогических терминов) / по ред. Гу Миньюань. Шанхай, 1998. С. 401.

² Боровская Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве... С. 49.

таться] перед другими. (Возможно иное толкование второй части суждения: «Ныне же учатся, чтобы [учить] других».) (Перевод Л. С. Переломова)¹.

Иными словами, в основании педагогики Конфуция стоит не преподавание и учитель, а обучение и ученик с его стремлением к самосовершенствованию². Эта идея также встречается в работе Н. Е. Боровской, которая пишет: «Последователи Конфуция также постоянно подчеркивали, что учение «сюэ» (學) предназначено для «самосовершенствования» [индивидуальной] природы — син»³. Сам Конфуций призывал своих учеников «учиться для себя», как это делали в древности. В комментариях к переводу Лунь юй В. С. Переломов также пишет, что Конфуций во главу своей педагогики ставил обучение не столько знаниям, сколько «обучению как способу трансформации человека, формирования его характера, его моральному и духовному совершенствованию и, как следствие, преобразование всего общества»⁴.

Начало первой главы «Бесед и суждений» Конфуция начинается со слов «учиться...» (в китайском варианте первая фраза начинается с иероглифа «сюэ» (學), в которой заключена главнейшая педагогическая мысль-доминанта Учителя (Глава 1.1):

«Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?» (Л. С. Переломов)⁵.

Еще академик В. М. Алексеев подчеркивал культурную значимость первых строк памятника. Он писал, что десятки поколений китайцев, японцев, корейцев и вьетнамцев, независимо от уровня грамотности и социального положения, первую фразу Лунь юя знали наизусть.

На первый взгляд, мысль проста, но если сравнить различные переводы, то становится очевидным то, что не все так просто. Большинство российских Китаеведов единодушно переводят понятия «сюэ» (學) словами «учиться», «обучаться», «учить», «изучать», кроме перевода Л. И. Головачевой, которая под «сюэ» (學) в Лунь юй понимала «изучение обычаев предков», основанного на толковании текстов, ведь идеалом образованного человека у Конфуция являлся «вэнь жень» — «знаток текстов» или «знаток старины и современности»⁶. Интересно обратиться к интерпретации «сюэ» (學) Мао Цзышуя (один из самых известных конфуциеведов КНР и о. Тайвань, автор фундаментального научного труда Лунь юй, выдержавшего четыре издания с 1975 по 1991). Он пишет, что «сюэ» (學) у Конфуция означает изучение уже устоявшихся принципов и изучение

¹ Переломов Л. С. Конфуцианское «четверокнижие» «Сы шу». М., 2004. С. 212.

² Xu Di Chinese Philosophy on Teaching and Learning: Xueji in the Twenty-First Century // SUNY series in Asian Studies Development. New York, 2016. 123 p.

³ Боровская Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве... С. 49.

⁴ Переломов Л. С. Конфуций. Лунь юй / перевод с кит. М., 2000. С. 171.

⁵ Переломов Л. С. Конфуцианское «четверокнижие» «Сы шу»... С. 157.

⁶ Головачева Л. И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж. . 1992. № 1. С. 260.

знаний, направленных на благоустройство мира и пользу самого человека»¹. Таким образом, можно сказать, что Конфуций воспринимал процесс «сюэ» (学) как самостоятельный процесс самосовершенствования и получения неких знаний длиной в жизнь. Самостоятельное обучение «сюэ» подразумевает строгую самодисциплину и высокие требования к себе на пути к достижению идеала Конфуция «цзюньцзы» («благородный муж»), и инструментом достижения идеала является изучение книжного знания старины (чтение канонов), в котором заключена необходимая мудрость, и практика «шести искусств».

Основная трудность заключается в смысловом наполнении иероглифа «си» (習), который чрезвычайно важен для понимания того, как Конфуций объяснял, что значит учиться. Необходимость прояснения его значения связана с последующим объединением неоконфуцианцами двух иероглифов «сюэ» (学) и «си» (習) в единое понятие «сюэси» (学习), которое в современном языке означает «учиться». Авторы пишут, что в процессе обучения после этапа «учиться» «сюэ» (学) наступает второй этап — «си» (習). И вот что же означает си (習) у Конфуция

— до сих пор является одним из самых спорных мест в Конфуцианстве. Л. С. Переломов в своей работе «Конфуций: «Лунь юй»» сопоставил взгляды различных исследователей Конфуция на русском, китайском, английском и французском языках и показал, что о единстве переводчиков говорить не приходится. Причем камнем преткновения является первая фраза, в которой авторы предлагают разные варианты интерпретации иероглифа си (習), которые влияют на толкование «обучения» в целом:²

Кун-цзы сказал: «Не радость ли, когда учишься и постоянно совершенствуешься, [подобно тому, как?]» (Перевод В. П. Васильева)³.

Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться?» (Перевод П. С. Попова)⁴.

Учитель сказал: «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?» (Перевод В. А. Кривцова)⁵.

Учитель говорил: «Не радостно ли учиться и постоянно добиваться совершенства?» (Перевод И. И. Семенов)⁶.

Учитель сказал: «Изучать и вовремя применять это на практике, разве это не приятно!» (Перевод А. Е. Лукьянова)⁷.

¹ Мао Цзышуй Лунь Юй с современными комментариями и переводом. Цит. по: Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 13.

² Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 121.

³ Васильев В. П. Конфуций. Беседы и суждения [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lunyu.ru/1/1>

⁴ Попов П. С. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁵ Кривцов В. А. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁶ Семенов И. И. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

⁷ Лукьянов А. Е. Конфуций. Беседы и суждения. Там же.

Он сказал: «Учиться, и притом все время в усвоенном упражняться, — разве это не одна из радостей?» (Перевод В. М. Алексеева)¹.

«Учиться и, когда придет время, прикладывать усвоенное к делу — разве это не прекрасно!» (Перевод В. В. Малявина).

Таким образом, под термином «си» (習) русские исследователи понимают совершенно различные вещи: повторять изученное, применять изученное на практике, упражняться, добиваться совершенства и др. Китайские конфуциеведы также не сходятся в едином мнении относительно второго этапа обучения «си» (習), аналогичная картина наблюдается среди европейских и американских переводчиков «Лунь юя»².

Учитель сказал: «Не является ли счастьем учиться и постоянно применять?» (Легг, 1893, перевод с английского)³.

Учитель сказал: «Учить и свое- временно повторять изученное, не является ли в конце концов это удовольствием?» (Уэйли, 1938, перевод с английского)⁴.

Учитель сказал: «Не удовольствие ли, выучив что-то, практиковать это время от времени?» (изучив, попробо-

вать) (Лау, 1979, перевод с английского)⁵.

Учитель сказал: «Учить правило жизни для того, чтобы применять его в нужный момент, не является ли это источником большого счастья?» (Чэн, 1981, перевод с французского)⁶.

Учиться и время от времени повто- рять — это значит повторять старое; повторяя старое, можешь постичь но- вое, поэтому и приходит радость (Ян Шуда, 1986, перевод с китайского)⁷.

Учиться и временами иметь воз- можность повторять это — разве сердце мое не возликует от радости? (Цянь Му, 1985, перевод с китайского)⁸.

Постоянно воскрешать уже до- бытые знания — не в этом ли высшая радость человека? (Се Биньин и др., 1990, перевод с китайского)⁹.

Научившись чему-то, иметь воз- можность в определенное время вос- крешать [в памяти] изученное, не в этом ли высшая радость? (Гоу Чэнъи, Ли Ядун, 1992, перевод с китайского)¹⁰.

Овладел определенными знания- ми и смог в подходящее время претво- рить в жизнь: разве не в этом высшая радость? (Мао Цзышуй, 1977, пере- вод с китайского)¹¹.

¹ Алексеев В.М. Цитата по по Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 34

² Буранок С. О. Понятие «Время» в «Лунь юе» // Культура и текст. М., 2004. № 7.

С. 3.

³ Цит. по Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Учитель изрек: «Учиться и время от времени повторять изученное — не в этом ли истинная радость?» (Каная Осаму, 1987, перевод с японского)¹.

Учитель сказал: «Разве не радостно учиться и время от времени постигать изучаемое?» (Пак Ильбон, 1994, перевод с корейского)².

В основной своей массе исследователи Конфуция разделились на две большие группы, которые придерживаются совершенно различных мнений о значении понятия си (習). Сторонники одной группы, к которой относятся такие знаменитые конфуциеведы, как Ян Шуда и Цзянь Му, и коллектив из шести известнейших текстологов канона Конфуция с о. Тайвань (Се Бингын, Цю Сею, Ли Си, Лай Яньюань, Лю Чжэнхао, Чэнь Маньмин), а также представители классиков российского и западного востоковедения придерживаются традиционной трактовки, восходящей к Чжу Си³. Это вполне закономерно, потому что Чжу Си — выдающийся китайский философ и комментатор «Лунь юя», он же Чжу Юаньхуэй (1130—1200) — главный представитель неоконфуцианства, придавший этому учению универсальную и систематизированную форму в которой Конфуцианство получило статус ортодоксальной идеологии Китая и других стран. Чжу Си в первом суждении Конфуция, выделив ключевые понятия «сюэ» (学) и «си» (習), представил

свое понимание их. Согласно мнению Чжу Си и его последователей, «учиться» «сюэ» (学) означает «повторение изученного» (или «учиться — значит подражать»). По своей природе люди добры. Среди людей есть прозревшие раньше и прозревающие позже. Те, кто прозрел позже, должны подражать тому, что делают прозревшие раньше. Только тогда они смогут выявить свое доброе начало⁴. Упражняться «си» (習) — значит учиться непрерывно. По словам В. М. Алексеева, Чжу Си указывает на то, что иероглиф «си» (習) содержит ключ «крылья», что означает неоднократные перелеты птиц с одного места на другое. Поэтому упражняться в учении нужно так же непрерывно, как летает птица, уже научившаяся летать. В. М. Алексеев считает, что Чжу Си, соединив два иероглифа 學 «сюэ» и 習 «си» вместе, придал понятию «учебы» идеи подражания, что позже стало основополагающим для педагогики конфуцианства. И, действительно, на протяжении многовековой истории Китая обучение, прежде всего, заключалось в изучении и последующем многократном копировании и зазубривании конфуцианских канонов. По мнению Чжу Си, «человеку нужно сосредоточить все свои силы на непрерывном овладении знаниями, уподобляясь «ранее прозревшим», т. е. тем, кто в совершенстве овладел определенным типом

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же... С. 291.

⁴ Алексеев В. М. Лунь юй (образец перевода с китайского первых трех глав «Бесед и суждений» Конфуция) // Китайская литература. М., 1978. С. 429.

знаний, а именно конфуцианским¹. Данное толкование Чжу Си оказало самое непосредственное влияние на подавляющее большинство европейских и американских переводчиков «Лунь юя»².

Другая группа исследователей начальную фразу «Лунь юя» понимает иначе. В обучении есть два этапа — это «изучать» и «претворять в жизнь» (практиковать). В их числе — Мао Цзышуй, автор многократно переиздаваемого фундаментального научного труда «Лунь юй». Он пишет: «Иероглиф сюэ 學 означает здесь изучение уже устоявшихся принципов и изучение знаний, направленных на благоустройство мира и пользу самого человека. Иероглиф си 習 имеет обычно два значения: «повторять» и «практиковать». «Повторять» — значит повторять знания, почерпнутые из книг; «практиковать» — прежде всего, указывает на поступки, претворение в жизнь. (В данном случае иероглиф 習 выступает в двух своих значениях, но мы в переводе оставили только одно — «претворять в жизнь»)³. Л. С. Переломов вслед за китайскими коллегами утверждает, что нужно присоединиться к точке зрения Ян Боцзюнь: «В древнекитайской литературе термины 習 си и 溫習 вэн си имели значения “практические упражнения”, “практика”, “практиковаться”». По его мнению, в термине 習 си уже изна-

чально была заложена идея «проверки на деле», «проверки на практике». Именно отсюда и ведут свое начало такие современные понятия, как 演習 янь си («театральная репетиция») или 時習 ши си («осуществлять на практике, реализовать»)⁴. В подтверждение слов Ян Боцзюня стоит учесть, что во времена Конфуция «обучение» включало овладение «шестью искусствами». Навыки управления колесницей и стрельбы из лука подразумевали многократные практические упражнения. Таким образом, «обучение», согласно Конфуцию, предполагало сочетание теоретических и практических знаний. Как пишет Н. Е. Боровская, «обучение», как путь к достижению знания, в воззрениях классиков конфуцианства строилось на идее превосходства действия «син» над знанием «чжи». Иными словами, конфуцианская система воспитания личности строилась на деятельном характере знания и подразумевала завершение знания действием⁵.

Однако, по мнению Л. С. Перломова, популяризация данной практической трактовки понятия си 習 как части слова «обучение» сюэси (学习) отражает практическую ориентацию образования в Китае и других странах конфуцианского региона в постиндустриальную эпоху и попытку ее теоретического обоснования с помощью науки⁶.

¹ Там же. С. 430.

² Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 290-300.

³ Мао Цзышуй Лунь Юй с современными комментариями и переводом. Цит. по: Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 121.

⁴ Ян Боцзюнь. Редакция культурно-исторических знаний, канон краткого обсуждения. Пекин, 1984. Цит. по Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй». М., 2000. С. 123.

⁵ Боровская Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве... С. 55.

⁶ Переломов Л. С. Конфуций: «Лунь юй»... С. 291.

Наименее популярная в российской и зарубежной синологии интерпретация «си» в качестве «воскрешения (в памяти) знаний» иногда встречается у китайских, корейских и японских ученых. Она связана с первоначальной интерпретацией Чэн Хао (один из основоположников неоконфуцианства, 1032—1084), которая была дана до Чжу Си. Чэн Хао писал, что учащийся проводит все время в воскрешении полученных знаний, намереваясь провести их в жизнь. Таким образом, восходящие к интерпретации Чэн Хао переводы первой фразы «Бесед и суждений» Конфуция как «воскрешение знаний» так или иначе связаны с практическим применением знаний в жизни, что отражает преобладающую в конфуцианстве концепцию «знание=действие».

Стремительный рост конкурентоспособности китайского образования на мировой арене на рубеже XX—XXI вв. вызывает интерес мирового сообщества. Согласно официальной концепции Министерства образования КНР, страна вновь обращается к элементам китайской традиционной педагогики Конфуция. Соответственно, для осмысления современных тенденций в образовании существует прямая необходимость обращения к философско-педагогическому содержанию конфуцианских первоисточников.

После изучения множества русских, китайских и западных переводов конфуцианских трактатов с последовательными комментариями становится очевидным, что они значительно отличаются друг от друга. Особый интерес вызывает различное смысло-

вое наполнение и переводы педагогических терминов: (育 «юй»), (教 «цзяо»), (学 «сюэ») и (誨 «хуэй»).

В результате сопоставления различных переводов, комментариев и привлечения Большого толкового словаря педагогических терминов (на китайском языке) были сделаны следующие выводы:

— Во-первых, «цзяо» (教) в конфуцианстве это: 1) обучение книжному знанию и практическим навыкам «шести искусств»; 2) воспитание добродетелей в учениках; 3) правило поведения или этическая норма (более позднее значение); 4) вероучение, учение (более позднее значение). Необходимо особо выделить взаимосвязь данного понятия с носителем знания — учителем, именно он «творит обучение».

— Во-вторых, термин «юй» (育) изначально означал телесное питание, вскармливание и позже стал использоваться в значении духовного питания.

В современном языке, с его стремлением к двуероглифичности слов, он, в сочетании с термином «юй» (育) (воспитание), составляет слово «образование» (教育 цзяюй), которое подчеркивает соотношение понятий «обучение» и «воспитание» в рамках одного слова.

— В-третьих, целесообразно разграничить понятия «хуэй» (誨) и «цзяо» (教), которые у русских авторов чаще всего переводятся одинаково («учить», «научить»). Они, безусловно, взаимосвязаны, что подтверждается их объединением в современном языке в понятие «цзяохуэй»

(教) — поучать, наставлять (поучение, наставление). Однако различие заключается в подчеркнутой вербализации процесса «обучения» у понятия «хуэй» (誨). В английском языке это ярко отражено, так как авторы практически единодушно его переводят словом «instruct» (инструктировать).

— В-четвертых, наиболее повторяемый термин конфуцианства «сюэ» (学) переносит акцент педагогического процесса с учителя на ученика и переводится как «изучение» «обучение учеником» и даже как «самообучение». А преобладание его над другими педагогическими терминами в каноне означает стремление Конфуция подчеркнуть главенствующую роль ученика.

Наиболее спорный момент в теоретическом плане заключается в интерпретации иероглифа «си» (習), который чрезвычайно важен для понимания процесса обучения «сюэ» (学). Позднее иероглифы «сюэ» (学) и «си» (習) были объединены в единое понятие «сюэси» (学), которое в современном языке означает «учить-ся».

Мнения ученых конфуциеведов относительно смысла «си» (習) разделились: 1. Учиться — значит подражать. 2. Учиться — значит практиковать. 3. Учиться — значит своевременно воскрешать знания. Однако все авторы сходятся во мнении относительно необходимости завершения знания действием.

Список литературы Литература на русском языке

1. Алексеев, В. М. Лунь юй (образец перевода с китайского первых трех глав «Бесед и суждений» Конфуция) // Алексеев В. М. — М. : Китайская литература, 1978. — 429 с.

2. Алексеев, В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1 / В. М. Алексеев; [Сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Б.Л. Рифтин]. — М. : Восточная литература, 2002. — 574 с.

3. Антиповский, А. А. Политика в области науки и образования в КНР. 1949—1979 гг. / А. А. Антиповский, Н. Е. Боровская, Н. В. Франчук. — М. : Наука, 1980. — 288 с.

4. Базарова, А. Н. Конфуцианские ценности и нравственное воспитание в системе образования Китая / А. Н. Базарова // Вестник БГУ. — 2009. — № 8. [Электронный ресурс]. — Режим

доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianskie-tsennosti-i-nravstvennoe-vospitanie-v-sisteme-obrazovaniya-kitaya> (дата обращения: 24.07.2016).

5. Боровская, Н. Е. Государство и школа: опыт Китая на пороге III тысячелетия / Н. Е. Боровская. — М. : Восточная литература РАН, 2003. — 270 с.

6. Боровская, Н. Е. Китайская культура во времени и пространстве / Н. Е. Боровская, С. А. Торопцев. — М. : Институт Дальнего Востока. РАН. МИД Форум, 2010. — 483 с.

7. Боровская, Н. Е. Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ / Н. Е. Боровская // Педагогика. — 1996. — № 1. — С. 94—103.

8. Боровская, Н. Е. Очерк истории школы и педагогической мысли в Китае / Н. Е. Боровская ; Рос. акад наук, Ин-т

Дал. Востока. — М. : Ин-т Дал. Востока, 2002. — 145 с.

9. Боревская, Н. Е. «Современное образование» и реформа школы 20—40-х годов / Н. Е. Боревская // Китайская культура 20-40-х годов и современность. — М. : Наука. Изд.фирма «Восточная литература», 1993. — 262 с..

10. Боревская, Н. Е. Школа в КНР в 1957—1972 гг. / Н. Е. Боревская. — М. : Наука, 1974. — 160 с.

11. Борох, О. Н. Экономика знаний: дискуссии в КНР / О. Н. Борох // Проблемы Дальнего Востока. — 2000. — № 4. — С. 58—75.

12. Буранок, С. О. Понятие «Время» в «Лунь юе» / С. О. Буранок // Культура и текст. — 2004. — № 7. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vremya-v-lun-yue> (дата обращения: 24.07.2016).

13. Ван, Цзяньли. Русские переводы первого суждения «Лунь юй» Конфуция: постоянно упражняться или время от времени повторять? / Цзяньли Ван, М. Ю. Сидорова // Вестник УдмГУ. — 2014. — № 4—5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/russkie-perevody-pervogo-suzhdeniya-lun-yu-konfutsiya-postoyanno-uprazhnyatsya-ili-vremya-ot-vremeni-povtoryat> (дата обращения: 24.07.2016).

14. Васильева, М. С. Конфуцианские идеи в народной педагогике китайцев / М. С. Васильева, С. Д. Намсараев // Вестник БГУ. — 2012. — № 1—2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianskie-idei-v-narodnoy-pedagogike-kitaytsev> (дата обращения: 24.07.2016).

15. Гэн, Хайтянь, Неоконфуцианство в оценке политического руководства современного Китая / Хайтянь Гэн // Научные труды Дальрыбвтуза. — 2010.

— № 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/neokonfutsianstvo-v-otsenke-politicheskogo-rukovodstva-sovremennogo-kitaya> (дата обращения: 24.07.2016).

16. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М. : Вост. лит., 2006. — Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. — 727 с.

17. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX в.: Учебное пособие для педагогических учебных заведений / под. ред. А. И. Пискунова. 2-е изд. исправ. и допол. — М. : ТЦ «Сфера», 2001. — 512 с.

18. Карапетьянц, А. М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий / А. М. Карапетьянц // Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / Отв. ред. Делюсин. — М. : Наука, 1982. — С. 4—14.

19. Клепиков, В. З. Конфуций — выдающийся педагог Древнего Китая / В. З. Клепиков // Педагогика. — 2001. — № 3. — С. 73—80.

20. Кобзев, А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия / А. И. Кобзев. — М.: Наука, 1983. — 354 с.

21. Ковтун, Е. В. Межкультурная коммуникация и традиционные ценности в современной высшей школе Китайской народной республики / Е. В. Ковтун // Интернет-журнал Науковедение. — 2013. — № 6 (19). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoy-vysshey-shkole-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 24.07.2016).

22. Конфуций. Беседы и суждения. Серия: Библиотека мировой литературы / под ред. Р. В. Грищенко, В. М. Алексеева, В. П. Васильева, Л. И. Головачева и др. — СПб. : Кристалл, 2001. — 1120 с.
23. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики / под ред. Л. П. Делюсина. — М. : Наука, 1982. — 264 с.
24. Конрад, Н. И. Избранные труды. Синология / Н. И. Конрад. — М. : Наука, 1977. — 624 с.
25. Корнетов, Г. Б. Историко-педагогическое знание в контексте педагогической теории и практики / Г. Б. Корнетов, В. Г. Безрогов, Н. Б. Баранникова и др. — М. : Институт эффективных технологий, 2012. — 710 с.; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.biblioclub.ru /index.php?page=book&id=232280> (24.07.2016).
26. Корнетов, Г. Б. Теория истории педагогики: монография / Г. Б. Корнетов. — М. : АСОУ, 2013. — 460 с. (Сер. «Историко-педагогическое знание». Вып. 62).
27. Корнетов, Г. Б. История педагогики за рубежом с древнейших времен до начала XXI века: монография / Г. Б. Корнетов. — М. : АСОУ, 2013. — 436 с.
28. Мальцев, А. Ф. Новый этап развития высшей школы Китая / А. Ф. Мальцев // Вестник высшей школы. — 1957. — № 7. — С. 83—89.
29. Малявин, В. В. Афоризмы старого Китая / В. В. Малявин. — М. : АСТ, 2004. — 416 с.
30. Малявин, В. В. Конфуций (сборник изречений Конфуция и тексты памятников конфуцианской педагогической мысли) / сост. В. В. Малявин. — М. : Амонашвили, 1996. — 175 с. (Антология гуманной педагогики).
31. Малявин, В. В. Конфуций и его школа: сборник / сост. В. В. Малявин. — Переиздание. — М. : Амонашвили, 2002. — 176 с.
32. Мартынов, А. С. Классическое конфуцианство. В 2-х томах: Т. 1. Конфуций Лунь юй: научное издание / А. С. Мартынов. — СПб.: Нева; Москва : Олма-пресс, 2000. — 384 с.
33. Очерки истории школы и педагогической мысли Древнего Средневекового Востока: Сб. науч. тр. / Под ред. К. И. Салимовой. — М. : Изд. АГН, 1988. — 198 с.
34. Переломов, Л. С. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Перевод с китайского и комментарии А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; Институт Дальнего Востока / Л. С. Переломов. — М. : Вост. лит., 2004. — 431 с.
35. Переломов, Л. С. Конфуций. Лунь юй / перевод с кит. исследование и комментарии Л. С. Переломова. 2-е изд. / Л. С. Переломов. — М. : Вост. лит., 2000. — 592 с.
36. Феоктистов, В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюньцзы / В. Ф. Феоктистов. — М. : Наука, 1976. — 296 с.
37. Фролова, Е. С. Эволюция взглядов российских исследователей по вопросу китайско-конфуцианской модели образования в 80-е годы XX — начале XXI века / Е. С. Фролова // Всероссийский журнал научных публикаций. — 2010. — № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-rossiyskih-issledovateley-po-voprosu-kitaysko-konfutsianskoy-modeli-obrazovaniya-v-80-e-gody-xx-nachale-xxi-veka> (дата обращения: 24.07.2016).

38. Цзинь, Ли, Культурные основы обучения: Восток и Запад / Ли Цзинь. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 464 с.

39. Цзинь, Синь, Традиционная культура и ее роль в развитии образования Китая / Цзинь Синь, Синь Цзинь, Синь Синь // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2007. — № 44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnaya-kultura-i-ee-rol-v-razviti-obrazovaniya-kitaya> (дата обращения: 24.07.2016).

40. Ци, Миньянь, Ценности традиционной культуры Китая в системе национального образования / Миньянь Ци // Вестник ЗабГУ. — 2011. — № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tsennosti-traditsionnoy-kultury-kitaya-v-sisteme-natsionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 24.07.2016).

41. Цуй, Хунхай. Культурная трансформация системы китайского образования в условиях глобализации : дис. ... канд. философ. наук: 09.00.13 / Хунхай Цуй; Чита: Читинский Государственный Университет, 2006. — 145 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissertat.com/content/kulturnaya-transformatsiya-sistemy-kitaiskogo-obrazovaniya-v-usloviyakh-globalizatsii> (дата обращения: 24.07.2016).

42. Чжан, Чэнь, Направления исследований семейного воспитания в современном Китае / Чэнь Чжан // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-issledovaniy-semeynogo-vospitaniya-v-sovremennom-kitae> (дата обращения: 24.07.2016).

Литература на китайском языке

1. Го, Цицзя, Чжунго цзяоюй сысянши (История педагогической мысли в Китае) / Цицзя Го. — Пекин: : издательство Пекинского педагогического университета, 1987. — 504 с.

2. Гу, Минъюань, (顾明远) Чжунго цзяоюй дэ вэнхуа чзичху (Культурные основы китайского образования) / Минъюань Гу. — Шанси: издательство наука Шаньси, 2004. — 319 с.

3. Лю, Фоянь, (刘佛年) Хойгу юй таньсо: лунь жогань цзяоюй лилунь вэньти (Воспоминания и поиски: о некоторых теоретических проблемах образования) / Фоянь Лю. — Шанхай. : Из-во Восточно-китайского педагогического университета, 1991. — 433 с.

4. Мао, Цзышуй (毛子水) Лунь юй цзиньчжу цзиньши (Лунь юй

с современными комментариями и переводом). Переиздано по изданию 1998 г. / Цзышуй Мао. — Чунцин: издательство г. Чунцин, 2011. — 344 с.

5. Сун, Пейцин, (孙培青) Чжунго Цзяоюйши (История педагогики в Китае) / Пейцин Сун. — Шанхай: Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 2009. — 232 с.

6. Хуан, Цзи, (黄济) Сяньдай цзяоюй лунь (Теория современного образования) / Цзи Хуан, Ван Цэсянь. — Пекин: Из-во народного образования, 2012. — 489 с.

7. Цзяоюй да цыдянь (Большой толковый словарь педагогических терминов) / под ред. Гу Минъюань. — Шанхай: Изд-во образование Шанхай, 1998. — 2390 с.

Литература на английском языке

1. *Borevskaya, N.* The Role of the State in Educational Reform in the PRC / N. Borevskaya, (W. K. Cummings and Ph. G. Altbach eds.) // The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America. — Albany, 1997. — pp. 265–274.
2. *Borevskaya, N.* Searching for Individuality: Educational Pursuits in China and Russia / N. Borevskaya (G. Peterson, R. Hayhoe, Yongling Lu eds.) // Education, Culture, & Identity in Twentieth-Century China. — Michigan: Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. — pp. 31–53.
3. *Bull, B.* Self-Knowledge and Teaching in Confucius and Plato / B. Bull // Philosophy of Education / ed. R. Kunzman [электронный ресурс]. — 2011.— pp. 212–214. Режим доступа: <http://ojs.ed.uiuc.edu/index.php/res/article/view/3277/1180> (дата обращения: 24.07.2016).
4. *Chen, R. H.* Pedagogy of «Midwifery» for Self-Knowledge: Meeting Confucius and Socrates/ R.H. Chen // Philosophy of Education / ed. R. Kunzman [электронный ресурс]. — 2011.— pp. 203–211. Режим доступа: <http://ojs.ed.uiuc.edu/index.php/res/article/view/3276/1179> (дата обращения: 24.07.2016).
5. *Cheng, L.* The complexity of Chinese pedagogic discourse Journal of Curriculum Studies / L. Cheng, Xu Nan // Journal of Curriculum Studies [электронный ресурс]. — 2011. — Vol. 43, № 5. — pp. 606–614. Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00220272.2011.595430> (дата обращения: 24.07.2016).
6. *Cleverly, John* The Schooling of China: Tradition and Modernity in Chinese Education / John Cleverly. — Sydney: Allen & Unwin, 1986. — 332 p.
7. *Hawkins, J.* Centralization, Decentralization, Recentralization: Educational Reform in China / J. Hawkins // Journal of Educational Administration. — Los Angeles: University of California, 2000. — Vol. 38, № 5. — pp. 442–454. Или [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://web.worldbank.org/archive/websit-e002381/WEB/PDF/HAWKINS.PDF> (дата обращения: 24.07.2016).
8. *Mingyuan, Gu.* Cultural Foundations of Chinese Education / translated into English by Wang Juefei, Yao Zhenjun, Teng Jun, Zhu Yun. — Leiden, Boston, 2014. — 275 с.
9. *Ryan, J.* False Dichotomy? «Western» and «Confucian» concepts of scholarship and learning / J. Ryan, L. Kam // Critical thinking and learning / ed. Mark Mason. — London: John Wiley & Sons, 2008. — pp. 65–78.
10. *Wu, Zongjie.* Interpretation, autonomy, and transformation: Chinese pedagogic discourse in a cross-cultural perspective / Zongjie Wu // Journal of Curriculum Studies [электронный ресурс]. — 2011. — Vol. 43, № 5. — pp. 569–590. —Режим доступа: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00220272.2011.577812> (дата обращения: 24.07.2016).
11. *Watkins, D. A.* The Chinese Learner: Cultural, Psychological and Contextual Influence / D. A. Watkins, J. B. Biggs. — Hong Kong/ Melbourne: Comparative Educational Research Centre, The University of Hong Kong /Australian Council for Educational Research, 2005. Reprinted from 1996. — 285 p.
12. *Weiming, Tu.* Confucian Studies: Critical Concepts in Asian Philosophy / Tu Weiming. — Issue 4. — Routledge, 2011.
13. *Xu, Di.* Chinese Philosophy on Teaching and Learning: Xueji in the Twenty-First Century / Di Xu, Hunter McEwan // SUNY series in Asian Studies Development. — New York, 2016.